

СОЦИОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

О. Гурова

НИЖНЕЕ БЕЛЬЕ В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ОСОБЕННОСТИ ПРИВАТНОЙ ВЕЩИ*

Данный текст посвящен концептуализации феномена «приватная вещь» и анализу данной категории по отношению к нижнему белью в Советской России. Основной вопрос заключается в том, является ли советское нижнее белье приватной вещью. Характеристики приватной вещи состоят в скрытости таких вещей от посторонних в личном пространстве или домашнем мире, в индивидуальном контроле над ними и в соответствии вещей индивидуальности их владельца. Эмпирический материал показывает, что советское нижнее белье не является приватной вещью в нормативном понимании, поскольку порядок повседневности в советской культуре таков, что каждая из перечисленных характеристик может быть нарушена. Задача состоит в том, чтобы показать, в каких случаях нарушается приватность нижнего белья и какими причинами такие нарушения вызваны.

Понятие приватной вещи

Существует эмическое и нормативное понятие приватной вещи. Эмическим понятием является категория, наполнение которой соответствует представлению о феномене, сформированном в контексте культуры ее представителей. Нормативные определения представлены в специальной литературе, например, в толковых словарях русского языка. Существует также социологическая интерпретация, оформленная в научных концепциях исследователей. Каким образом определяется нижнее белье эмически, нормативно и социологически?

* Я считаю приятной обязанностью выразить благодарность моим друзьям и коллегам О. Ечевской и О. Калачевой, помогавшим мне в работе над данным текстом, а также коллегам из Европейского университета в Санкт-Петербурге, чьи тексты стали для меня стандартом качественного социологического анализа и чьи советы помогли и помогают мне в исследовательской работе.

«Нижнее белье — это штанишки, трусики и у женщины верхняя часть, или грация. То, что ближе к телу. Не носки, я бы не сказала, что это нижнее белье. Я вот ощущаю так. У мужчин — семейные трусы» (ж., 1937 г. р.).

«Нижнее белье? Есть такая поговорка: «без рубашки ближе к телу». У мужчин раньше была нижняя рубашка, как и у женщин. Современный аналог — комбинация, это от английского «combination» — комбинировать. Раньше трусы носили, юбку или рубашку, а тут — все вместе. Трусы. Семейные трусы. То, что носится под другой одеждой» (м., 1937 г. р.). Приведенные фрагменты позволяют сделать вывод, что к нижнему белью относятся вещи, которые, во-первых, скрыты под другой одеждой, и, во-вторых, надеты непосредственно на тело, близки к телу. Такая трактовка соответствует определению, выработанному исследователем русского языка Владимиром Далем. В толковом словаре Даля понятие «белье» определяется через категорию «испод»: исподняя одежда носится под чем-либо и ее имплицитной характеристикой является «тайность» и «скрытость», т. е. интимность (Даль 1996).

В современной социологии перечисленные категории входят в семантическое поле «приватного». Концепция публичного и частного пространства была введена в социологический оборот немецким социальным мыслителем Юргеном Хабермасом. Суть концептуализированной Хабермасом дихотомии состоит в том, что люди, вещи, события или действия, включенные в публичное пространство, «открыты» для всех, в противовес тем, которые «спрятаны» в частной сфере (Habermas 1991).

Французские социальные историки Филипп Арьес и Жорж Дюби работают с предложенным Хабермасом конструктом публичного / частного пространства, проводя с его помощью исследование истории европейской частной жизни на протяжении нескольких столетий (Aries, Duby 1987). Одним из результатов их работы является описательное определение публичной / частной вещи: «Публичное — открытое обществу и субъекту власти в нем. Частное — другая часть существования, зона освобождения, в которую мы можем вернуться или отступить, то место, где мы можем «сложить руки», расслабиться. Это место семьи и домашнего мира, место секретности. Частная реальность содержит наиболее близкие вещи, те, которые принадлежат только нам, которые не должны никого более заботить и которые не могут быть "предъявлены" без нашего ведома, т. к. они связаны с той личиной, которую, возможно, придется сохранять от публичного взора» (Aries, Duby 1987; VII-IX).

Представленное описание позволяет выделить ряд ключевых характеристик частной вещи: во-первых, это интимная вещь, или «секретная», как ее называют Арьес и Дюби. Интимность или секретность вещи состоит в том, что она должна быть скрыта от глаз посторонних в том мире, который не доступен их взгляду. Во-вторых, возможность публичной демонстрации и вообще право обращения с этой вещью должно принадлежать только ее владельцу, который решает, кому, как и когда показать или передать ее. Таким образом, другое свойство частной вещи — это ин-

дивидуальный контроль над ней. Следующим свойством является «приличность», т. е. соответствие вещи телу и личности ее владельца — вкусу, размеру и т. п.

Концепция приватной вещи приобретает особую важность в отношении нижнего белья, которое, если следовать приведенным выше размышлениям, должно быть приватной вещью «по определению». Однако эмпирический материал показывает, что названные свойства не всегда присущи советскому нижнему белью, и в советском контексте сложно говорить о нижнем белье как о канонической приватной вещи.

Поясним этот вывод, проанализировав каждое из перечисленных свойств советского белья на эмпирических примерах*.

Скрытость

По определению Арьеса и Дюби, приватная вещь должна быть скрыта, спрятана от глаз посторонних в личном пространстве или в домашнем мире. Ответим на вопрос о том, когда и почему советское белье появляется в публичном пространстве, какие нормы регулируют его появление и какие оценки его появления вызывает.

Социальная жизнь советского нижнего белья обнаруживает сосуществование противоположных норм, регулирующих публичное появление вещей. Эти нормы строго зависят от пространственной локализации появления нижнего белья.

Всю совокупность повседневных практик, в которых участвует нижнее белье, мы предлагаем разделить на три группы в зависимости от их пространственной локализации. К первой группе отнесем повседневные практики в публичном пространстве, ко второй — связанные с нижним бельем повседневные практики, локализованные в приватном пространстве. Нами также выделяется «квазипубличная сфера», специфическая форма организации жизни, свойственная повседневности в Советской России. Формиро-

* Представленный текст является частью диссертационного исследования «Культурная история нижнего белья в Советской России, и выполнен на основе эмпирического материала данного исследования. Эмпирическими источниками выступают 20 лейтмотивных интервью, тексты массовых журналов «Работница», «Общественница», журналов о моде, литературные произведения, а также толковые и историко-этимологические словари русского языка. Выборка для лейтмотивных интервью формировалась по поло-возрастному признаку. Распределение информантов по полу — 12 женщин и 8 мужчин, по возрасту — 20-30 лет — 5 человек, 40-50 лет — 5 человек, 60 лет и старше — 10 человек, по образованию — 1 человек со средним образованием, 5 со среднеспециальным и 14 — с высшим образованием. Смещение выборки по полу обусловлено тем, что, во-первых, в старшей возрастной категории преобладают женщины, во-вторых, опыт показывает, что женщины с большим желанием артикулируют факты из повседневной жизни, они более компетентны в истории одежды, моды, вопросах быта. Смещение выборки по возрасту обусловлено стратегией включения в качестве информантов в основном представителей старших возрастных групп, сохранивших воспоминания как о раннем, так и о позднесоветском периоде. Попадание в выборку значительного количества информантов с высшим образованием связано с их способностью к лучшей артикуляции собственного опыта.

вание квазипубличной сферы в советской культуре связано с обобществлением приватной сферы вследствие идеологического проекта обобществления личной жизни в 1920-х гг.* Таким образом, повседневные практики могут быть локализованы в трех пространствах — публичном, квазипубличном и приватном.

Выделим три соответствующих пространства, условно назвав их «улицей», «коммунальная квартира» и «дом», и рассмотрим, каким образом нижнее белье функционирует в каждой из выделенных сфер.

Пространство улицы

Как показывают интервью, люди в советской культуре одновременно стесняются и не стесняются демонстрировать собственное нательное белье в публичных местах. Кодекс манер предполагает, что нижнее белье может быть предъявлено в одних местах и ситуациях и не может быть показано в других. Помимо традиционной бани, список публичных мест, в которых появление белья не вызывает санкций, невелик. Он исчерпывается «пляжем» или «югом» — отдыхом и «огородом» или «дачей» — работой на свежем воздухе. Дачи и огороды широко распространяются в послевоенные годы. Обычная картина работы на дачном участке такова — мужчина в семейных трусах или в трико и женщина в бюстгальтере и завернутых до колен тренировочных штанах из синего трикотажа занимаются дачными делами: *«На дачном участке просто в трусах возились. — В: В трусах? — Да, в трусах. Мужчины — в семейных трусах, а женщины были в обычных трусах и в бюстгальтерах. Так было удобно работать, потому что не жарко. Стесняться особо никого не стеснялись, потому что, вроде как, все вокруг были такими же»* (ж., 1935 г. р.).

Приведем примеры, связанные с отдыхом: *«Я сейчас вспомнила одну фотографию того времени (1930-х гг. — О.Г.): озеро, церковь и стоят 7 девушек. У всех трусы черные, мужские, а верхние части — разношерстные. Они на фотографии все как одна в этих трусах: резинка в талии, вот такой длины, и разношерстные верхние части, белые, розовые, может быть. Молоденькие хорошенькие девчонки с прекрасными фигурами»* (ж., 1937 г. р.).

«Мы летом отдыхать приезжали, а купальников-то не было. Может, они и были. У нас не было, потому что мы жили на Севере, и они там ни к чему были. Мы брали одеяло, садились, и женщины снимали верхнее — платье или что. Вот здесь бюстгальтер был голубой или розовый, огромный такой (показывает). Вот это я помню. Народу тьма и, вроде как, ничего. — В: Не обращали внимания? — О: Ну, мы как-то не оценивали это. Я была маленькая, мы приехали отдыхать, народу много, всем весело, всем хорошо. А они сидели и сидели. Как они сидели, я не обращала внимания. Моя мама стеснительный человек была, зажатый, тем не менее, она, вот, сидела» (ж., 1935 г. р.).

* О «квазипубличной сфере», или о «неформальной публичной сфере» в коммунистических обществах в целом и в Советской России в частности см.: (Zdravomyslova, Voroncov 2002).

Из-за отсутствия специальных вещей (трикотажные плавки и купальники появятся в продаже в 1970-е гг., но и в это время их «трудно достать») для отдыха на пляже или на природе обычно используется самое обычное белье. Дети принимают солнечные ванны в обычных трусиках или голышом. Мужчины в довоенные годы использовали для купания спортивные трусы, а в послевоенное время — семейные трусы. Иногда семейные трусы подворачиваются, чтобы «не всплыли» в воде. Женщины в качестве купальников используют обычные бюстгалтеры и трусы, не всегда заботясь о соответствии «верхней части» нижней составляющей купального костюма. Появление в семейных трусах или лифчике на пляже, на природе, в местах отдыха было обычной практикой — как в 1920-1930-е гг. с их культом здоровья, отдыхом и занятиями спортом на свежем воздухе, так и в 1970-е гг., когда было позволено загорать в общественных местах, например, в парках.

В описанных пространствах — на пляже, при отдыхе на природе или при работе на даче появление нижних вещей на виду оправдано. Оправданием служат, во-первых, функциональные причины: на даче в трусах «удобно», «не жарко»; во-вторых, технологические условия, отсутствие специальных принадлежностей для купания: «специальной одежды не было, поэтому и сидели в трусах»; в-третьих, экономические причины: «купальники было не достать». «Грань стыда» в описанных ситуациях проходит не по верхнему платью, а по нижнему белью, т. е. нательные вещи могут быть без стыда продемонстрированы.

Если перечисленные условия не выполняются, публичное появление нижнего белья находится под запретом, осуждается, порицается. Приведем примеры: *«Нет, разумеется, никому и в голову не могло прийти ходить по улицам в нижнем белье. Белье потому и нижнее, чтобы надевать на него костюм или платье. Дача — это другое дело. Здесь можно было оголяться, люди ничего не стеснялись, но не на улице. — В: Вспомните какую-нибудь ситуацию? — О: Ситуацию не вспомню. Но это правильно написано, что (цитирует запись — О.Г.) человек в белье может следовать по улицам только в одном случае, если он идет в сопровождении милиции, и только в одно место — в отделение милиции!»* (ж., 1937 г. р.).

«Лямочки из лифчика вылезают — тогда, в 1960-е, это считалось неаккуратным. Я помню, когда у меня было платье на бретелечках, дочка у меня уже в институте училась, поскольку корсет не носили, я лифчик пристегивала к этим бретелечкам. У меня были такие скрытые пуговицы, и не было видно. Это было нехорошо, если было видное (ж., 1935 г. р.).

«Панталоны носили. Это важно было, чтобы ничего не вылезало. А побежишь, платье поднимется, и кто-то вдруг увидит панталоны — это ж позор. Все говорить будут, — она побежала, а у нее там такие! Это неприлично было. Нехорошо. Идет вразрез морали. Этого не должен был никто видеть» (ж., 1961 г. р.).

Приведенные отрывки ярко описывают отношение к появлению нижнего белья на улице, вне дозволенных мест и по неопределенным причинам. За исключением «юга» и «огорода» трудно назвать место, где было бы дозволено появление личного нательного белья на всеобщем обозрении без соци-

альных санкций или без ущерба для оценки личности. Приватность нижнего белья охраняется, его демонстрация является признаком некультурного человека как в 1920-е гг., так и в 1950-1960-е гг., и в позднесоветский период.

Согласно цитатам, оценка неуместного появления нижнего белья ранжируется от «неаккуратности» до «позора». Причем усилению осуждения способствует качество или состояние внезапно предъявленной вещи: кружевная бретелька свидетельствует о неаккуратности, демонстрация «страшных» панталон расценивается как позор. Оправданием и смягчением осуждения служит неожиданность и непреднамеренность случившегося.

Очевидно, что в описанных выше случаях выход белья из приватной сферы, из скрытого пространства и пространства близости к телу скажется на впечатлении о личности. Актуализация кодекса манер и вместе с ними таких понятий, как не/уместность, не/приличие, а также таких эмоциональных конструктов, как стыд и смущение, свидетельствует об осознании потенциала тела и вещи в выражении личностных свойств. Вещь является значимой в отношении «презентации себя», создания образа «я» или «личного переднего плана»*. Поэтому важно, чтобы его использование, его публичное появление соответствовало правилам. Иначе человек обречен на страдание от «взгляда культуры», в которой торчащая бретель расценивается как признак неопрятности, а дырявый носок — некультурности, и эти факты характеризуют человека не с лучшей стороны.

Следует отметить, что кодекс манер строго зависит от социальной принадлежности человека. Рассмотрим два примера: «*В: Посмотрите, пожалуйста, на этой литографии женщина изображена в белье, у нее торчат ляпочки. Это нормально?**» — *О: Допустимо было. Это вы правильно заметили, <...> Эти лямки — это неаккуратность. Но тогда это было допустимое* (ж., 1935 г. р.).

«У меня соседка, но она молодая была. Я не хочу над ней смеяться. Просто она, видимо, в такой семье жила. Она собиралась со своим женихом, я ей помогала собираться, в 1960-х гг., на танцы. У нее было платье облегающее, сама она была такая худенькая, а панталоны у нее были до колен. Меня мама с детства приучала, что так быть не должно, Я когда на это смотрела, мне казалось это как-то дико. Мама всегда говорила, что так быть не должно, и что неприлично, если ниже белье выглядывает» (ж., 1935 г. р.).

Женщина, изображенная на литографии — рабочая-асфальтоукладчица, представительница рабочего класса, может позволить себе оставить ляпочку на виду. Она занята делом, ей не до мыслей о внешнем виде, что ее оправдывает. Информантка, происходящая из дворян и принадлежащая к культурной группе «интеллигенция», описывает

* Приведенные категории заимствованы из категориального аппарата социолога Ирвинга Гофмана, с их помощью описывающего роль вещи в формировании «переднего плана» личности (Герасимова 2000).

** Я указала на репродукцию гравюры «Площадь Искусств. Асфальтировщицы» (1946), на которой изображены женщины, укладывающие асфальт в майках с выглядывающими из-под них бюстгалтерами.

подчеркивает, что он не свойственен ей и членам ее семьи. Подчеркнем, что различия в кодексе манер и степень рефлексивности к соблюдению приватности нижнего белья укоренены в социальной структуре.

Однако стоит упомянуть особый опыт, который выпадает из описанных правил: *«Вы знаете, например, в начале 1960-х гг. появились комбинации из ГДР, эти комбинации носили на улице. Они были очень красивыми, и эти комбинации носили просто на улице. Или когда раздевались на пляже, демонстрировали, прежде всего, комбинации, а потом все остальное. Потому что комбинация — это была вещь какая-то недостижимая и очень дорогая, которую можно было достать по блату. Или, например, на юге в нижнем белье ходили, потому что из ГДР оно было таким красивым. Это 1960-е гг. Не только по пляжу, но и по улицам»* (ж., 1937 г. р.).

В интервью упоминается, что комбинации вместо платьев носили жены офицеров, и речь идет о вещах, привезенных из Германии. К слову, немецкие вещи и, в особенности, нижнее белье из этой дружественной социалистической, но наиболее «западной» страны высоко котировалось среди советских женщин. К тому же «комбинэ», изготовленные из модных синтетических материалов, с красивой отделкой, во многом напоминали верхнее летнее легкое платье. Открытым остается вопрос о том, осознавали ли сами женщины, что они появляются на улице в вещах для этого не предназначенных, или этот факт был осознан только спустя время. Другой вопрос: чем была вызвана такая социальная некомпетентность в отношении обращения с вещами. Заметим, что даже сейчас, спустя долгое время, информант признает, что те комбинации мало походили на привычное советское нижнее белье. Наоборот, подчеркивается, что комбинация обладает всеми свойствами вещи, которую нужно демонстрировать, открыто показывать — она красивая и очень дорогая. Вполне логично, что санкции за появление женщины в немецкой «комбинашке» не следовали: эти изысканные предметы просто не были опознаны как привычное советское нижнее белье — простое («суровое») и гигиеничное. Таким образом, свойства вещи, ее стиль и эстетика определяли возможность ее выхода в публичную сферу улицы.

Пространство коммунальной квартиры

Дом представляет собой именно ту приватную сферу, где должно существовать нижнее белье — в личном пространстве, наедине с человеком, его владельцем. В 1920-е гг., под эгидой обобществления социальной жизни, в СССР появляются и становятся массовыми новые формы жилья, а именно дома-коммуны и коммунальные квартиры, в которых в тесном соседстве сосуществуют члены различных семей, социальных групп, иными словами, посторонние друг другу люди. Здесь на глазах оказывается частная жизнь посторонних людей — соседей. Это происходит потому, что коммуны и коммунальные квартиры имеют общие территории — «места общего пользования»*. В коммунальных квартирах имеются пространства, которые могут

* Подробное исследование советской коммунальной квартиры см. в (Герасимова 2000; Утехин 2001).

В доме, как и на улице, существует свой кодекс норм, регулирующих публичное появление нижнего белья. Оно может стать видимым на теле разгуливающего по коридору соседа или вне тела своего владельца, висящее на веревке, на территории общих мест, например, кухни.

Пространством коммунальной квартиры, где появление белья санкционировано, являются общие места — ванная комната, где, как правило, производится стирка и сушка белья, либо кухня, которая выполняет функции ванной, например, по причине отсутствия последней. В коммунальной кухне белье появляется в тазиках, приготовленное для стирки, или чистое, развешанное на веревках, протянутых под потолком или над газовой плитой или электроплиткой. Висящее белье принимает участие в структурировании общего пространства, в приватизации пространства, поэтому возможность его появления зависит от места. На чужой территории белье появляться не должно, как, например, в следующей цитате: «Веревки, пересекающие всю кухню, находятся в совместном использовании, но зоны над столами жильцов используются преимущественно данными жильцами. Никто не хочет, чтобы над его столом висело чужое нижнее белье» (Утехин 2001).

Появление нижнего белья в общих местах обусловлено условиями существования; висящее на веревке и кипятящееся на примусе или плите белье появляется потому, что отсутствует отдельный балкон или собственная кухня и ванная комната. Отсюда — отсутствие санкций в отношении публичного появления интимных вещей. До тех пор, пока не появляется отдельное закрытое место для сушки, приватность белья не становится актуальной. Рассмотрим следующие примеры: *«многие жили в коммунальных квартирах. Это все стиралось, это все висело. Тут и эти старики, и молодежь, и военные. И все это висело на кухне, где это не считалось постыдным <...>, что висело на кухне, но другой возможности не было»* (ж., 1937 г. р.).

«В.: В коммуналке особое отношение к белью было? Ведь оно постоянно оказывалось на виду — О: Да нормальное. На кухне натягивали веревки, и все висело. — В: Это никого не беспокоило? — О: Так другого выхода не было. Тебя сегодня беспокоит — сегодня висит не твое белье. А завтра будет висеть твое» (м., 1959 г. р.).

«У меня соседка. Я в коммуналке до сих пор живу. Стирки эти все. Белье вывешиваешь. Я раньше жила в квартире, где не было ванной, была темная кухня, все это вывешивалось на кухне, и никто не стеснялся. <...> Не задумываешься об этом. Мы так росли, и росли все время в одном материальном состоянии, и для нас это было все естественным» (ж., 1950 г. р.).

Нарушение приватности белья не проблематизируется, что оправдано, повторим, условиями существования, в которые помещены социальные агенты и к которым они вынуждены приспособливаться. Эти условия воспринимаются как «нормальные» или «естественные», поэтому публичное появление нижних вещей не вызывает санкций.

Если же в доме есть помещение, например, прачечная, чердак или пустая комната для хозяйственных нужд, оно может использоваться для сушки и глаженья белья. Специальное помещение и отведенное для каждого из жителей квартиры время его использования позволяет защитить белье от

взгляда посторонних, сохранить его приватность: «В доме, в котором я этил, было специальное помещение прачечной. Т. е. каждый житель дома в урочный час, один или вместе с кем-то, затевали стирку, и таким образом вот обходились без ванной <...> В некоторых коммуналках были сушильные комнаты, и соседи пользовались этими комнатами по очереди» (м., 1930 г. р.).

Другая сторона социальной жизни белья в пространстве коммунального дома касается появления человека в белье в местах общего пользования. Здесь также можно столкнуться с существованием противоположных норм. В ряде случаев запретов на публичное появление белья не существует; «В: Вы хотите сказать, что в вашей квартире ходили в нижнем белье? — О: Естественно. Все ходят в белье, никому и в голову не приходит, что это нескромно и т. д. Еще в детстве, я помню, была у нас большая коммунальная квартира барачного типа. Там то ли 24 комнаты, то ли около того. Естественно, никто не задумывался, в каком виде по дому ходить» (м., 1962 г. р.).

В коммунальной квартире, где в большинстве своем проживают «простые люди», жилец в исподнем или кипящее на плите белье воспринимается как «нормальное» и «естественное» явление. Обитателей такого дома не смущает ни «запах вареных трусов», ни размещенные над столами сушилки, ни «прилюдные» появления в белье. Объяснение может заключаться в том, что квартира, хоть и коммунальная, является прежде всего «домом» — приватной сферой, в которой допустимы соответствующие практики, — «можно не задумываться, в чем по дому ходить». Поэтому появление нижнего белья в общих местах не проблематизировано, оно не расценивается как отклонение и поэтому не санкционируется.

Хотя повседневность могла быть устроена и иным образом: «у нас в квартире нижнего белья нельзя было увидеть ни в каком виде. Мы и в коридор то выходили, сначала причесываясь. Приводили себя в порядок и только потом позволяли себе выйти» (ж., 1934 г. р.).

«Коммуналки разные бывают <...> До войны мы жили в коммуналке. Жили мы в эвакуации тоже в коммуналке. Я не помню, чтобы у нас белье вывешивали. Хотя у нас была ванная. Но где стиралось и как, я просто не помню. ¥ людей был элемент стыдливости. Люди жили разные. Рабочие, например. Простые люди. Интеллигенция. Простые люди» (ж., 1937 г. р.).

Исследования показывают, что основными факторами, которые становятся причинами сосуществования различных, противоположных практик в той или иной коммунальной квартире, являются социальный состав жильцов, размер коммунальной квартиры, ее планировка*.

Одним из следствий рефлексивного совместного проживания в коммунальной квартире является появление так называемой домашней одежды. Домашняя одежда — особая категория вещей, которая не является в полном смысле нижним бельем; она расценивается как одежда, в которой нельзя

* Социологический анализ структуры пространства советской коммунальной квартиры см.: (Утехин 2001).

выйти из дома на улицу, но можно «вынести мусор» или «зайти к соседке». Неотъемлемым спутником гардероба советской женщины является халат, а мужчины — пижама или так называемые треники — тренировочный костюм. Обратимся к свидетельствам: *«Я очень хорошо помню, что моя мама всегда, приходя с работы, одевала халат, и соседи наши женского пола другой одежды кроме халатов не имели, домашней, я имею в виду. А мужчины обычно одевали просто пижаму. Эта пижама была не такая, как сейчас мужчины одевают, когда спят, это была не спальная пижама, это была домашняя пижама, в которой ужинали, ходили на кухню, общались с миром, разговаривали по телефону, смотрели телевизор. Когда они появились, спортивные тренировочные костюмы были только одного вида — синий тонкий трикотаж, никаких пестрых, никаких импортных костюмов, никаких утепленных костюмов, ни мужских, ни женских, не существовало вообще как класс»* (ж., 1947 г. р.).

Домашняя одежда представляет собой пример «непреднамеренного социального изобретения». Такая одежда скрывает тело в ситуации вынужденного сосуществования посторонних людей в пространстве общего дома, и в ней появляться «прилично». Домашняя одежда позволяет сохранять приватность нижнего белья в любой ситуации, даже когда сохранить ее практически невозможно.

Пространство дома и повседневные разговоры о нижнем белье

Отдельная квартира, собственная комната, «свой угол», пространства, маркированные как приватные, являются местами, где нижнее белье может появляться без санкций, сложенным в тазики для стирки белья или надетым на тело человека. Одной из плоскостей приватной сферы, на штоторой я бы хотела остановиться подробнее, являются семейные разговоры, связанные с нижним бельем. Существует распространенное мнение о том, что в советское время не говорили о личном; о сексе или о нижнем белье. Этот стереотип верен, но только отчасти.

Если, например, обратиться к массовому дискурсу, тексты 1920-х гг. артикулировали тему белья в связи со здоровьем и гигиеной и связанными с ними практиками, и эти дискуссии в основном касались новых советских классов — рабочих и крестьян. Такой «функциональный» дискурс соседствовал с негативным отношением к вещи, критикой мещанства. Впоследствии, при общем изменении настроения по отношению к вещам, ориентации на «всеобщую зажиточную жизнь» с ее материальными ценностями появились другие мотивы, но белье из массовой дискуссии исчезло, а связанные с ним вопросы гигиены ушли в специализированную литературу.

В повседневности нормы появления нижнего белья в семейных обсуждениях не были однозначными. Рассмотрим следующие примеры: *«У нас не было этих разговоров. Темы такие. Вот понимаете. Про гигиену много говорили, как кажется. Странно, мыться не менее 3 раз в месяц. Сейчас — каждый день. У нас раньше раз в неделю брали трусы, брали тазы. Сейчас меня в баню не затащишь. Тогда брали таз под ноги, брали для тела. Но то, что пишется, у меня таких чувств не было. Может, потому*

что папа был большевик, в советской власти. У нас дома присутствовала такая атмосфера. Это прилично, это неприлично. И на эти темы мы просто не разговаривали» (ж., 1950 г. р.).

«Раньше об этом разговаривать было как-то не принято. — В: Дома даже? — О: Наверное. Ну, может быть, я воспитывалась в интеллигентной среде, отец — инженер, мама — бухгалтер. Они, правда, были лишенцами и сначала не могли учиться. Потом было послабление. В этой среде я не помню, чтобы были разговоры. Если бытовые беседы были. Любили поговорить о литературе. А такая специфика, она замалчивалась» (ж., 1937 г. р.).

Вести разговоры о «личном», «материальном» было не принято, как констатируется в интервью. Заметим, что такую точку зрения разделяют представители определенных социальных групп, а именно, интеллигенции и новых правящих классов, «большевиков». Оправдание запрета выдвигается общее — разговоры на «эти» темы «не приняты», «неприличны». Хотя причины различаются: если большевик должен думать прежде всего о коллективе, а не о личном, и поэтому он молчит, то интеллигент разговоры на подобные темы считает некультурными, неэтичными, неуместными.

Однако неверно будет сказать, что повседневные разговоры о белье исчезают вовсе. Они присутствуют, по крайней мере в рамках гигиенической темы, и исполняют социализирующую функцию в семейных, частных беседах. Тема белья как предмета гигиены никогда не уходит из разговоров между ближайшими родственниками, мамой и дочкой или теткой и племянницей. В детстве речь идет о том, что нужно «менять трусики» или «не показывать их мальчикам / девочкам». В юности беседа ведется об особенностях женского физиологического развития, функции материнства и важности для сохранения этой функции соблюдения правил гигиены и здоровья и подбора правильной одежды: *«Я помню, когда маленькая была, мама часто выговаривала мне, что я мало туда «поддеваю». Говорила, что нужно беречь «это место». Это был предмет вечных споров. Как я думала, между поколениями. У меня не было такого желания — одевать еще что-то. Да я и не мерзла»* (ж., 1971 г. р.).

Отметим, что приоритет в таких разговорах отдается не самой вещи, а тем функциям, которые она должна исполнять по отношению к телу.

Итак, в каждой культуре можно наблюдать только ей характерное соотношение порицаемого и дозволенного. В рамках советской культуры это соотношение определяется множеством факторов, однако ведущую роль играет ситуация: социальные характеристики участвующих и особенности структурных условий (будь то планировка жилища или отсталость технологии). Комбинации этих факторов определяют нормы публичного появления белья, поведение участников и его оценку.

Индивидуальный контроль

Приватность предполагает индивидуальный, или личный контроль над вещами. Это означает, что сам человек отвечает за выбор вещи в соответствии с собственным вкусом и возможностями, самостоятельно решает, как и куда выбранную вещь надевать и как использовать. Советская куль-

тура характеризуется подозрительным отношением к личному, личным вещам: об этом свидетельствует осуждение идеи частной собственности, отрицательное отношение к «мещанству» и «вещизму». Субъект контроля над вещью в советской культуре — не личность. Советская культура характеризуется значимостью внешнего по отношению к индивиду контроля и рассеянной формой его организации. Субъект контроля «витают в воздухе». Рассмотрим механизмы контроля по отношению к внешнему виду человека.

В то время как в производственных и учебных структурах существует «вертикальный» контроль, подкрепленный постановлениями и правилами внешнего вида (речь идет о форме в школе или униформе на работе), формальные предписания в отношении повседневного внешнего вида отсутствуют. Однако контроль присутствует и реализуется в так называемом рассеянном «горизонтальном» варианте. Функцию инструкций в этом случае исполняют сформулированные в массовых текстах правила о том, что, когда и как носить, а надзор за их исполнением осуществляет социальное окружение: незнакомцы, производственные или учебные коллективы, семья. Горизонтальный контроль оказывается действенным механизмом, поскольку позволяет выявлять несоответствие «публичной» и «приватной» личности повсеместно: в любом пространственном и временном отрезке. Участие окружающих и меры их воздействия способствовали приведению «приватной» и «публичной» личности к единственному выражению — «публичной» личности, которая должна предьявляться в любое время и в любом месте: на улице, на работе, в школе или дома (Герасимова 2000; Kharkhordin 1997).

Особая роль источника контроля над «телесной идиомой» (Гофман 2000) принадлежит внешнему окружению. Надзор, таким образом, возможен везде, где есть люди. Обратимся к примеру: *«(надеваю) одно из этих платьев колокольчиком, туфли на высоком каблучке, их тогда тоже трудно купить было. Модные чулки в сеточку; на капроновые чулки одеваешь еще одни — в сеточку. Как раз: платье, чулки, все это очень подходило. Я навещаю свою знакомую в больницу. Вышла медсестра и обложила меня последними словами. Как будто бы я вышла из кабаре или из варьете и тут устраиваю стриптиз. Вот какое было настроение в обществе. Ведь сейчас кто в чем ни идет, никто практически внимания не обращает. Если морализировать»* (ж., 1937 г. р.).

Способом действия контроля в данной ситуации служит словесное выражение неодобрения по поводу «модных чулок в сеточку». В этом примере важно, во-первых, что на особенности одежды обращают внимание, что внешний вид, одежда, материальные символы служат значимым критерием оценки личности. Во-вторых, оценка артикулируется, высказывается вслух и этим обеспечивается действие и действенность контроля. В-третьих, порицанию подвергается телесная «экспрессия»: чулки в сеточку — это не хлопчатобумажные колготы, а вещь, которая обладает инвестицией сексуальности (и эта инвестиция вполне осознанна, раз в диалоге заходит речь о стриптизе, кабаре и варьете). В-четвертых, субъектом контроля, экспертом в отношении внешности может быть любой посторонний, незнакомый человек, например, медсестра в больнице.

Другой пример касается непосредственно нижнего белья: *«Был 1972 г., мне было тогда 35 лет, были мы в колхозе, и я очень любила утром сходить на озеро, выкупаться. Иду обратно, одеваю на голое тело, маечка у меня была такая трикотажная и юбка, жара была. Мне так хорошо, я выкупалась. Смотрю — идут <...> Они были лет на 10 меня моложе. Они меня все время стыдили, что я хожу без бюстгалтера, Я была очень миниатюрная, и меня это не очень волновало. Но вот они меня стыдили»* (ж., 1937 г. р.).

В примере осуждение исходит от посторонних, на их отстраненность от героини рассказа указывает отсутствие названия — «они». Кто — «они»? Из последующего контекста становится ясно» что речь идет о группе женщин — местных жительниц. Осуждению вновь подвергается и телесная экспрессия — «грудь не должно быть видно, она не должна болтаться», и пренебрежение общепринятыми нормами: «ты — женщина, и на этом месте должен быть бюстгалтер».

В обоих примерах управление повседневными ситуациями, связанными с внешним видом, подчиняется следующим императивам: стыдно / нестыдно, скромно / нескромно. Компетентное представление о «правильном» переднем плане доступно любому человеку, следовательно, каждый интериоризовавший его имеет возможность контролировать окружающих, и эти обязанности принимаются добровольно — таковы особенности контроля в советской культуре.

Таким образом, приватность вещи, выраженная в возможности индивидуальной власти над вещью, в советской культуре заменяется внешним горизонтальным контролем над вещами.

Приспособленность нижнего белья к личности

Приватность вещи выражается в приспособленности вещи к индивидуальности человека, размерам его тела, в соответствии вещей его вкусу, потребностям, настроению.

«Серая масса» — такое клише применяют по отношению к внешнему виду советских людей, и тому есть основания — одетые в однообразные вещи промышленного производства люди действительно выглядят как некая масса без ярких пятен, что ставит под сомнение возможность индивидуальности в одежде. Промышленные вещи отличают следующие качества: во-первых, они стандартны, однотипны, сшиты из одинаковых материалов. Носить иные вещи, которые выделяют человека из толпы — подозрительно. Это утверждение касается не только видимых вещей — верхнего платья, но и нижнего белья. *«Считалось, что мужчины должны носить трусы только синего и черного цвета. Трусы какого-то другого цвета было носить невозможно. Это было совершенно немыслимо»* (м., 1955 г. р.).

Во-вторых, советские вещи часто «плохо сидят»: *«Обычное, фабричное белье было, которое в жизни у меня не сидело так, как нужно. Приходилось что-то там ушивать, подделывать или, в лучшем случае, делать самой. Промышленное белье шили по стандартным выкройкам»* (ж., 1937 г. р.).

«Грации были ужасной конструкции. Я их не носила. Они были из

ткани, не было эластика. Они очень стягивали тело <...> Грации — это отголосок корсета. Женщины были полнее, а под облегающую одежду <...> Я примерила пояс, от тетушки остался. Померила, но мы уже не можем. Отвыкли. Пояса — это жутко было» (ж., 1935 г. р.). Плохая посадка вещей на фигуре обусловлена неудобным кроем. О неудобстве кроя свидетельствует следующий пример о конструкции женского бюстгалтера; «Все должно быть просто. Что такое грудь? Это полусфера. Вот, берем кружок вырезаем выточки, шиваем их и вот тебе полусфера. Но у кого такая грудь? Ни у кого. Очень редко <...> А раньше были простейшие крои» (ж., 1937 г. р.).

В-третьих, зачастую было трудно приобрести вещи подходящих размеров: «Заказывали бюстгалтеры на широких бретельках в ателье. Потому что шили стандартные размеры. Третий, четвертый, ну, до пятого. А вот если грудь больше, то не достать. И, наоборот, нулевой размер не достать было. А ходовые размеры можно было купить, в 1980-е гг. точно. Разные, атласные, в цветочек. Красивые» (ж., 1961 г. р.).

Приведенные примеры показывают, что стать обладателем подходящей вещи достаточно сложно: типичные вещи часто не соответствуют требованиям моды, имеют примитивный крой, в продаже трудно отыскать предметы подходящих размеров.

Человеку свойственно стремление приобретать и использовать «приличные» вещи. «Приличность» является основным требованием к одежде в советской культуре: «всегда хотелось бы носить приличное белье — В: Приличное, это какое? — О: Приличное — это подходящее. Ну, подходящее по размеру, цвету, который тебе идет» (ж., 1950 г. р.). Под «приличностью» понимается соответствие вещи личности, личному вкусу, индивидуальным потребностям, ситуации. Из отрывка также видно, что приличность также включает и соответствие телу — подходящий размер, фасон и крой. Важным свойством приличного белья является его качество.

«Реальное», надетое на тело белье не всегда соответствует желаемым вещам. Желание иметь приличное белье вызывается тем, что все окружающие нас вещи включены не просто в практику, но в социальную практику. Они становятся как бы сгустками отношений между людьми и получают способность приобретать символический характер для самого человека. Поэтому так важно, чтобы белье было приличным, подходящим, соответствующим.

Особую роль играют практики производства и переделки вещей в домашних условиях. Первым и самым простым способом производства и переделки вещей служит рукоделие — шитье. Осуществлять домашнее производство одежды помогала швейная машинка: *не каждой семье, наверное, была швейная машинка "Зингер", на которой все шилось»* (ж., 1937 г. р.). Приобрести навыки по шитью позволяли школы, кружки или курсы кройки и шитья, которые функционировали в Советской России начиная с 1920-х гг. на протяжении всего советского периода. Со временем мастерство рукоделия вошло в обязательную школьную программу для девочек: «Были уроки кройки и шитья в школе. Позже они стали называться уроками труда. Что характерно, на этих уроках сначала учили шить трусы и ночные

рубашки, а потом все остальное. Меня это как-то удивляло, потому что трусы уже шили из трикотажа, и их можно было купить в магазине. Шили мы из белого ситца или сатина, кажется. Наверное, они с ранних времен в программе уроков остались» (ж., 1971 г. р.).

Рукоделие является популярной темой и вне школьных программ. Издаются различные книжки по вязанию, шитью. Следует отметить, что навыки кройки и шитья становятся мерилем «женской компетентности» в советском обществе. Любая «настоящая женщина» должна уметь снять выкройку, сшить платье или халат, подогнать одежду «по фигуре». Популярность этой практики была связана не столько с данью традиции, сколько с попыткой приспособиться к дефициту и особенностям материальной среды советского общества.

Полученные в школе на уроках кройки и шитья первые навыки позволяют создавать уникальные самодельные вещи оригинальными способами: *«Я помню, я уже работала, и приезжала к нам дипломатка девочка. Привезла бюстгальтер, рассказывала, показывала. Я слушала и мотала на ус, как это мне самой такой сделать. Я тогда взяла его, обвела и сделала себе выкройку До сих пор пользоваться можно. Сейчас скажу, когда это было. <...> Где-то на грани 1950-1960-х гг. Хотя в это время, в принципе, можно было что-то приобрести»* (ж., 1937 г. р.).

Приведем примеры самодельных вещей: удобные женские колготы, перешитые из появившихся раньше по времени детских колгот, надставленные или надвязанные; модные детские гольфы, сделанные из чулочков при помощи пришитых к верхнему краю резинок; майка, перешитая в необходимый для спортивных занятий купальник для ребенка — по нижнему срезу майки проложен шов или пришиты плоские бельевые кнопки; женская блузка, изготовленная из мужской трикотажной майки и выкрашенная краской «Фантазия».

Произведенные таким образом вещи приобретают желаемые свойства — становятся удобными, подходящими, соответствующими личным потребностям, приобретают свойство приватной вещи быть приличной.

Выводы

Основной вопрос данной статьи состоял в том, является ли советское нижнее белье приватной вещью. В соответствии с определением французских историков Арьеса и Дюби, свойства приватной вещи состоят в скрытости от глаз посторонних, в индивидуальном контроле и в соответствии вещи своему обладателю. Эмпирический анализ показал, что каждая из характеристик может быть нарушена. Скрытость состоит в том, что вещь должна быть спрятана. Но в советском контексте белье то и дело безнаказанно появляется — на теле трудящегося на участке дачника или раскатывающего асфальт рабочего. Второе свойство приватной вещи состоит в том, что возможность ее публичной демонстрации и, вообще, право обращения с этой вещью принадлежит индивиду, ее владельцу. Речь идет об индивидуальном контроле над вещами. Было показано, что в советском случае важную роль играет не личный, а внешний горизонтальный коллективный кон-

троль, и контролирующую функцию осуществляют не только члены семьи и коллеги по работе, но и незнакомые окружающие. Третьим свойством является соответствие белья телу, индивидуальности, личности. Этим свойством промышленное белье не обладает, но оно достигается путем приспособления вещей с помощью шитья или перешивания.

Таким образом, исследование нижнего белья в контексте концепции публичной / частной сферы позволяет увидеть, каким образом эти сферы конструируются при помощи вещей и повседневных практик, в которых участвуют вещи.

Литература

Герасимова Е. Советская коммунальная квартира как социальный институт: исто-рико-социологический анализ. Дисс. канд. соц. наук. СПб., 2000.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2000.

Гурова О. «В здоровом теле — здоровый дух». История гигиены в Советской России 1920-х гг. // Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина «Социологические исследования современного общества; методология, теория, методы». 2003а. № 577.

Гурова О. Идеология тела в советской культуре середины XX в. // Репрезентации телесности. Сб. научных статей / Под ред. Г. Зверевой. М.: Изд-во РГГУ, 2003б.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.: Диамант, 1996.

Утехин И. Очерки коммунального быта. М.: О.Г.И., 2001.

A History of Private Life / Ed. by P. Aries, G. Duby. Part 1. Camb., Mass, London: The Belknap Press of Harvard UP, 1987.

Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society, Cambridge, Mass.: The MIT Press, 1991.

Kharkhordin O. Reveal and Dissimulate: A Genealogy of Private Life in Soviet Russia // Weintraub J., Kumar K. (eds.) Public and Private in Thought and Practice: Perspectives on a Grand Dichotomy. Chicago: University of Chicago Press, 1997.

Zdravomyslova E., Voroncov V. The Informal Public in Soviet Society: Double Morality at Work // Social Research. 2002. Vol. 69. № 1.